ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В МАРТЕ 1957 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

3·1990

МАЙ·ИЮНЬ

702702

3716800

МОСКВА
НАУКА

© 1990 г.

В. Б. ЖИРОМСКАЯ

ВСЕСОЮЗНЫЕ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1926, 1937, 1939 годов

История подготовки и проведения

В истории советской статистики особое место принадлежит социально-демографическим переписям населения. Известно, что разработке их программ, методики анализа полученных материалов, организации и проведению большое значение придавал В. И. Ленин. Именно по его инициативе были проведены первые переписи населения в 20-х гг. У истоков советского переписного дела стояли высококвалифицированные специалисты статистики и демографии В. Г. Михайловский, О. А. Квиткин и др. В результате их усилий советская историческая наука имеет в своем распоряжении такие ценнейшие источники, как перепись населения 1920 г., Всесоюзная городская перепись 1923 г. и, наконец, Всесоюзная перепись населения 1926 г., которая заслужила название классической по уровню статистической культуры проведения и разработки.

Если первая половина 20-х гг. была периодом становления и расцвета советской статистики, в том числе и переписного дела, то 30-е годы оставили в истории советских переписей трагическую отметину. Как известно, в это десятилетие всесоюзные переписи населения проводились дважды — в 1937 и 1939 гг. Долгое время Всесоюзная перепись 1937 г., ее итоги, а порой и сам факт ее проведения замалчивались. Выросло целое поколение советских людей, которые либо никогда не слышали о ней, либо сталкивались в энциклопедии и в узкоспециальных исследованиях по статистике с упоминанием о ней как о «забракованной» [1]. Исключением являются лишь несколько работ 70—80-х гг., в которых все же дается сжатая характеристика переписного листа, сроков проведения переписи, памятки для счетчиков, хотя и не оспаривается официальная оценка этой переписи как дефектной [2]. Впервые вопрос о реабилитации Всесоюзной переписи населения 1937 г. был поставлен М. С. Тольцем [3]. В конце 80-х гг. интерес к истории этой переписи был проявлен и за рубежом. С. Максудов уделил ей внимание в книге «Потери населения СССР» (США, 1989. С. 266—278), сообщив некоторые подробности ее организации. Крамольная перепись была как бы арестована сразу же по получении предварительных итогов. Специальным постановлением СНК СССР от 25 сентября 1937 г. за подписью его председателя В. М. Молотова организация этой переписи была признана неудовлетворительной, а сами материалы ее «дефектными». Центральное управление народнохозяйственного учета Госплана СССР обвинялось в

Жиромская Валентина Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

«грубейшем нарушении элементарных основ статистической науки», а также «в нарушении правительственных инструкций» [4]. Публикация данных этой переписи была запрещена, а начальник ЦУНХУ СССР И. А. Краваль, начальник Бюро переписи О. А. Квиткин, начальник сектора населения ЦУНХУ СССР М. В. Курман и др. были репрессированы. Руководство этой переписью стоило Ивану Адамовичу Кравалю и Олимпию Аристарховичу Квиткину жизни, а Михаилу Веньяминовичу Курману — долгих лет заключения. После XX съезда КПСС они были реабилитированы, однако постановление о дефектности самой переписи так и не было отменено.

В науке до самого последнего времени было распространено мнение о том, что материалы переписи 1937 г. безвозвратно утеряны [5]. Считалось, что они полностью уничтожены. К огромному счастью для исторической науки часть основных показателей этой переписи сохранилась [6]. К тому же в последнее время открыты в архивах и выведены из спецхранов библиотек подготовительные материалы этой переписи: программа, переписной лист, словарь занятий, инструкции, публиковавшиеся в 1936 г.

В отличие от второй, крамольной переписи основные итоги третьей Всесоюзной переписи населения (1939 г.), проведенной во исправление дефектов предыдущей, были одобрены правительством. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 марта 1939 г. за личными подписями Сталина и Молотова организаторам переписи была объявлена благодарность, а вслед за тем розданы высокие награды [7]. Кратчайшие итоги переписи вскоре были опубликованы [8]. Последующая перепечатка этих материалов появилась лишь в 1956 г., после XX съезда КПСС. Она уместилась на двух страницах «Вестника статистики» (№ 6, с. 79—80). Мало кто знал, что подготовленные к печати полные материалы этой переписи также не были опубликованы. В ЦГАНХ СССР хранятся три рукописи: «Краткие итоги переписи 1939 г.» в одном и трех томах и семитомник «Основные итоги переписи» [9].

По поводу публикации материалов переписи 1939 г. существует запутанная переписка, сохранившаяся в архиве ЦУНХУ. 2 июня 1939 г., в день публикации кратчайших данных переписи, в местные органы УНХУ была послана телеграмма И. Саутина, начальника ЦУНХУ, о том, что публикация в печати итогов переписи сверх опубликованных кратких итогов без разрешения ЦУНХУ запрещается [10]. По всей видимости, причиной было опасение, что на местах могут быть оглашены какие-то противоречащие центральной публикации данные. Два месяца спустя, 29 июля 1939 г., ЦУНХУ, однако, пошло на некоторое послабление и разрешило специальным циркуляром начальникам УНХУ краев и областей предоставлять председателям плановых органов данные, необходимые для разработки баланса рабочей силы, в частности данные о численности населения по переписи 1939 г. [11] Этот документ был подписан заместителем Саутина И. Ширинским. Получив циркуляр, начальник УНХУ РСФСР обратился в центр за разъяснениями и получил неожиданный ответ от Ширинского, в котором тот отменял свое собственное распоряжение и писал, что руководствоваться следует «телеграфным разъяснением И. Саутина» [12]. Но месяц спустя в специальном постановлении СНК СССР разрешалось предоставлять партийным и советским органам и плановым комиссиям для служебного пользования итоги переписи по численности населения — и только. Таким образом, все другие материалы переписи оказались фактически под запретом и были погребены в архиве с грифом «секретно». Правда, в 1940 г. в печати появилось еще несколько кратких таблиц с очень сжатыми и огрубленными данными [13]. В них не было информации о численности населения и его грамотности в республиках, краях и областях, в городах и селах, а возрастной состав рассматривался без разделения по полу. В этом виде таблицы были включены в некоторые тематические сборники [14].

Эти публикации можно обнаружить в любом ежегоднике ЦСУ СССР, где они приводятся в пересчете на границы СССР 1940 г. Некоторые данные, в част-

ности по занятиям населения, образованию и состоянию в браке, были привлечены для сравнения при публикации Всесоюзной переписи населения 1959 г. Однако в целях сопоставимости эти цифры приводятся либо в процентном выражении, либо в расчете на 1000 человек населения, многие из них пересчитаны в соответствии с границами 1940 г., к тому же они по-иному сгруппированы и объединены в таблицах, чем в оригинале переписи 1939 г.

Однако и эта публикация не изменила ситуации, сложившейся вокруг переписи 1939 г. При диаметрально противоположной официальной оценке переписей 1937 и 1939 гг. их материалы постигла почти одна и та же участь: одна полностью, другая в основной своей части не были доступны исследователям [15].

Неудивительно, что вокруг переписей 30-х гг. ведется горячий спор. Одни исследователи считают, что достоверна лишь перепись 1937 г., а перепись 1939 г. фальсифицирована и данные ее дефектны [16]. Другие полагают, что обе переписи дефектны и ими пользоваться вообще нельзя [17]. Третьи относятся к данным обеих переписей доверительно [18]. С нашей точки зрения, дискуссия эта имеет тот большой недостаток, что сосредоточена исключительно на сведениях переписей об общей численности населения СССР. Слов нет, вопрос этот чрезвычайно важен с точки зрения демографической ситуации 30-х гг., исчисления жертв сталинских репрессий, насильственного переселения «раскулаченных» и целых народов, людских потерь в годы Великой Отечественной войны. Однако в стороне остаются богатейшие материалы о занятиях населения, профессиональной и отраслевой структуре рабочих и служащих, их квалификации, о кустарном промысле, уровне образования и грамотности населения в целом и различных общественных групп, демографических данных о половозрастной структуре населения и др. Трудно рассуждать о данных переписи 1937 г., глубоко не изучив ее материалов. В равной степени нелепо отвергать материалы переписи 1939 г., не исследовав и не оценив их. При скудости статистических данных 30-х гг. любые материалы представляют интерес, тем более переписи населения. Даже если вести речь о численности населения, то и тут они могут дать ценную информацию, тем более что данные текущего учета населения со стороны загсов в 30-х гг. нуждаются в проверке и уточнении. Нельзя пройти мимо заключения того же ЦУНХУ СССР о неудовлетворительном состоянии учета естественного движения населения в загсах (обследование проведено в 1935 г. [19]). Даже если допустить известную долю субъективизма (как это делает А. Л. Перковский [20]) в оценке работы этих учреждений со стороны ЦУНХУ, то остается неопровержимым тот факт, что расчет численности населения на основе данных текущего учета оказался несостоятельным и переписями не подтвердился. К тому же суровая расправа в 1935 г. над работниками, которые вели этот учет, конечно же, не могла улучшить состояния дел в этой области. По словам И. А. Краваля, «текущий учет населения давал неверные, резко завышенные цифры» [21].

В данной статье, не претендуя на решение ведущегося вокруг переписей 1937 и 1939 гг. спора, попытаемся показать историю их подготовки и организации, ту обстановку, в которой происходила разработка и реализация программ. При этом в поле нашего внимания будет находиться и перепись 1926 г., так как практика подобных мероприятий базируется на предшествующем опыте и все три переписи органически связаны между собой.

* * *

Подготовка к переписи населения 1926 г. проводилась в условиях полной гласности, в спокойной и деловой обстановке. Основные моменты, связанные с ее организацией, обсуждались сначала на II Всесоюзной статистической конференции (февраль—март 1925 г.), затем на IV Всесоюзном съезде статистиков (февраль 1926 г.), где был представлен весь цвет статистической науки:

Б. В. Авилов, В. Г. Михайловский, Л. Е. Минц, М. В. Птуха, Г. С. Полляк, П. И. Попов, В. С. Немчинов, О. А. Квиткин и многие другие. В результате фундаментальной кропотливой работы, острых дискуссий были разработаны программы переписного листа, семейной карты и подворной ведомости, приняты решения по основным организационным вопросам переписи, избран оптимальный срок для ее проведения [22]. Только затем эти документы были утверждены СНК СССР и последовало постановление ЦИК и СНК СССР от 3 сентября 1926 г. о проведении переписи населения 17 декабря. На места была разослана инструкция по производству переписи.

В целях успешного проведения переписи населению широко разъяснялось ее народнохозяйственное значение. В. Г. Михайловским была написана брошюра [23] о готовившейся переписи. В «Правде» появилась специальная вкладка, посвященная вопросам переписи. Ее подготовкой руководили отдел демографической статистики Госплана СССР, а с октября 1926 г.— специальный отдел переписи. Центр не «давил» на периферию, не посылал ни типовых планов, ни тезисов докладов, статей или выступлений. Это способствовало развитию инициативы местных статорганов по пропаганде переписи с учетом региональных особенностей. В итоге население с пониманием отнеслось к проведению переписи, охотно давало ответы на вопросы.

Итоги проведения переписи 1926 г., методика разработки ее материалов обсуждались на Всесоюзной статистической конференции в январе-феврале 1927 г. [24], где были заслушаны отчеты с мест о ходе переписи. О. А. Квиткин подчеркнул на конференции, что перепись «прошла дружно» [25]. По оценке самих организаторов переписи, она достаточно полно учла население страны. По более поздним оценкам ЦУНХУ (в 30-е гг.), в 1926 г. был допущен переучет населения на 1,5 млн. человек, т. е. на 1% [26]. Это было связано с тем, что в деревне перепись продолжалась в 2 раза дольше, чем в городе. Приехавшие в город из сел, где фиксировалось лишь наличное население, могли пройти перепись дважды. Итак, население СССР на 17 декабря 1926 г. составило 147 млн. человек, в том числе городское — 26,3 млн. [27] Процент переучета этой переписи не выходил за рамки обычной неточности, характерной практически для всех переписей населения.

Перепись 1926 г. учла и некоторые особенности местного населения, хотя далеко не все. Например, на Дальнем Востоке было введено пять [28] уточнений в переписной лист, в частности, в вопросы о подданстве китайцев и корейцев, в названия некоторых племен и родов туземцев. В то же время перепись не смогла зафиксировать наличие многоженства у народов Средней Азии и у некоторых народов Закавказья, отразить специфику социальной структуры населения национальных районов страны и т. д. Эту неполноту источника необходимо учитывать при использовании его данных. Материалы переписи 1926 г. плодотворно используются в работах советских ученых [29].

В отличие от переписи 1926 г. переписи 30-х гг. проводились в совершенно другой обстановке, испытывали на себе влияние конъюнктуры, связанной с культом личности. Как было заявлено в печати, вдохновителем и организатором переписи 1937 г. был лично Сталин. Это обстоятельство не могло не сказаться на программе переписи, ее подготовке и проведении, наконец, на ее судьбе. Важно отметить в связи с этим несколько моментов. Первый был связан с заявлением вождя на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. о том, что общая численность населения СССР составляет 168 млн. человек [30]. Эта расчетная цифра была выведена на конец 1933 г., а к 1937 г. ждали, что она возрастет и достигнет примерно 180 млн. человек. При всем вольном обращении Сталина со статистикой необходимо отметить, что тогда в науке существовало ошибочное представление о том, что повышение жизненного уровня населения ведет к его расширенному воспроизводству автоматически. Эта идея нашла отражение в выступлении Сталина на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок, где он отметил, что «население стало размножаться быстрее, чем в старое время» [31]. При этом рост населения рассматривался как главный показатель

достижений социализма, его преимущества над капитализмом. Вопреки научным принципам проведения переписи ей навязывался заранее намеченный результат. Тон в этом отношении задала газета «Правда» 29 апреля 1936 г., в передовой статье которой говорилось, что «богатеющая наша Родина дает прирост населения куда больше, чем капиталистические страны, но это приводит ко все большему росту богатства, а не к нищете». Этому сопутствовали большие ожидания в области грамотности и образования населения. Популярные брошюры запестрели определениями в превосходной степени: «бурный рост», «грандиозные сдвиги», «величайшие победы в нашем прекрасном сегодня». Уже в 1936 г. вокруг переписи начала складываться нездоровая обстановка. Беда состояла не в том, что статистики допустили ошибку в расчетах, а в том, что это исчисление, не соответствующее действительным данным, было узаконено вождем и уже не подлежало пересмотру.

Вторым моментом, осложнившим перепись, ее проведение и подготовку, было заявление Сталина о росте «городов, жителей в городах, промышленности и рабочих, занятых в промышленности, по крайней мере вдвое больше, чем в старое время» [32]. Само по себе это высказывание на фоне индустриализаций и урбанизации имело под собой почву, однако цифровой показатель не был обоснованным. Появившись в печати, он сыграл свою отрицательную роль.

В-третьих, Сталину принадлежало и другое положение, ни в малейшей степени не согласованное со статистикой и реальностью. В докладе на VIII Чрезвычайном Всесоюзном съезде Советов он заявил, что «в Советский Союз входят... около 60 наций, национальных групп и народностей» [33]. И это заявление стало руководящим для статистических служб.

Все эти высказывания буквально навязывались СНК СССР специалистам, готовившим перепись, ее программу, переписной лист. Вести подготовку переписи в этих условиях было делом нелегким. К великой чести работников статистики надо сказать, что они пытались спасти перепись от влияния конъюнктуры. Но сделать это удалось лишь отчасти.

Перепись 1937 г. готовилась очень тщательно. Она была экспериментальной — однодневной и учитывала лишь наличное население. Больше однодневных переписей в СССР не проводилось.

В канун переписи было завершено методологическое и методическое пособие «Переписи населения» под редакцией Н. Я. Воробьева [34], ведущего сотрудника Госплана РСФСР, обобщающее опыт не только советских, но и дореволюционных и зарубежных переписей населения. В нем обосновывалась оптимальная программа переписи, были отработаны формулировки переписного листа, разработаны в деталях основные организационные моменты проведения переписи. Пособие было предназначено для инструкторов и инспекторов переписи, но оно не увидело света в 1936 г. Однако предлагаемая в нем программа переписи была положена в основу при разработке переписи 1937 г. и может считаться ее первоначальным вариантом. Сам Воробьев активно участвовал в организации переписи. Бюро переписи в 1937 г. возглавлял О. А. Квиткин. К проведению переписи были привлечены все специалисты, проводившие перепись 1926 г., за исключением умершего В. Г. Михайловского. Все было сделано для того, чтобы обеспечить высокое качество подготовительных материалов; в их первом варианте, который сохранился в архиве, они были представлены на рассмотрение правительства. Из литературы известно, что перепись намечалась на более ранние сроки и неоднократно переносилась. Во всяком случае все варианты переписных листов озаглавлены «Всесоюзная перепись 1936 г.» Но проведена она была в январе 1937 г. О переносе срока переписи было издано специальное постановление СНК СССР [35].

Первые же итоги переписи не удовлетворили правительство. Прежде всего, она не оправдала сталинского прогноза по численности населения. Как стало известно из публикации В. В. Цаплина, она насчитала лишь 162 млн. человек [36]. Потери населения оказались слишком велики. Голод 1932—1933 гг., жестокие репрессии, переселения раскулаченных и целых народов... Да и на стройках

сталинских пятилеток условия труда и быта были неприемлемы для обзаведения семьей и детьми, кроме того, и там погибала молодежь. А ожидаемый прирост населения предполагал очень высокий уровень рождаемости и низкий — смертности. Хотелось бы заметить, что даже если бы демографические процессы в стране развивались нормально, то и тогда ожидаемый прогноз был бы завышенным. Период компенсаторной послевоенной рождаемости уже закончился, в стране развертывался демографический переход к новому типу воспроизводства населения, свойственному урбанизирующимся странам и связанному с понижением рождаемости. Но главной причиной низкого прироста населения были людские потери. Сталин не мог не сознавать этого. Любопытно, что в преддверии переписи в стране именно по его инициативе были запрещены аборты, но эта мера не смогла еще дать должного эффекта за столь короткий срок.

Однако признавать ошибки в прогнозах правительство не собиралось. Организаторы переписи были обвинены в преднамеренном недоучете населения, объявлены врагами народа, а недоучет населения был расценен как акт вредительства. Посыпались обвинения: «пособники фашизма», «троцкистско-бухаринские шпионы, пробившиеся в руководство ЦУНХУ, разгромленные сталинским наркомом Ежовым» [37], закончившиеся репрессиями.

Допущен ли на самом деле в переписи 1937 г. недоучет населения? Организаторы переписи обвинялись в нарушении официальной инструкции, согласно которой в переписные листы вносились не только лица, ночевавшие в данном помещении, но и находившиеся в таких местах, где они не могли быть переписаны (*ночная смена, базар и др.*). Однодневной переписи предшествовал предварительный обход населения в течение пяти дней, когда заполнялись переписные листы. Якобы в нарушение этой инструкции работники ЦУНХУ снабдили каждый переписной лист памяткой для счетчика, в которой говорилось, что нужно вычеркнуть из переписного листа каждого, кто не ночевал дома в ночь с 5 на 6 января, в том числе уехавших до 12 часов ночи. Оригинал этой памятки нам обнаружить не удалось. Выдержки из нее цитирует Саутин [38], сменивший Краваля на посту начальника ЦУНХУ. Может быть, не имея возможности обучить как следует 1 млн 200 тыс. счетчиков, задействованных в однодневной переписи, ЦУНХУ снабдило их такой памяткой, которая внесла путаницу. Так, некоторые лица, предварительно внесенные в переписные листы, а затем выехавшие до 12 ночи 5 января, посчитали себя переписанными и больше не переписывались. Но трудно ожидать, чтобы это существенно повлияло на учет населения в СССР.

Организаторов переписи обвинили и в том, что они заведомо неудачно выбрали день переписи — канун Рождества, когда население, как правило, очень мобильно. Поэтому предпочтительнее был бы будний день. День был выбран, действительно, несколько неудачный, хотя можно предположить и иное — к Рождеству люди стремятся быть дома. Были и другие, более мелкие недостатки в проведении переписи, которые также рассматривались как злодеяния «врагов народа». Например, на Украине предварительный обход населения был сокращен до трех дней; перепись проводилась лишь на крупных железнодорожных узлах, а мелкие оказались вне поля ее зрения и т. д. Все эти недочеты могли привести к некоторому недоучету населения, но не на 18 же миллионов! По подсчетам А. Курмана, этот недоучет составил всего 1 млн человек, т. е. 0,5% [39]. Правда, Курман составлял этот отчет в напряженной обстановке, поэтому, хотя это маловероятно, цифра могла быть несколько приуменьшена. Один из вариантов проверки ее предложил В. В. Цаплин, показав, что недоучет населения в этой переписи не выходил за рамки допустимого [40]. Таким образом, обвинения в преднамеренности недоучета, тем более в политическом вредительстве, были необоснованными. Однако вопрос остался открытым, было необходимо подтвердить сталинский прогноз о численности населения в СССР, в том числе городского. Поэтому срочно была назначена новая перепись 1939 г.

Ее подготовка развернулась в прямо-таки наэлектризованной обстановке. Теперь дело переписи взял в свои руки Председатель СНК СССР Молотов, и все надо было согласовывать лично с ним. Главным стал вопрос о недопущении недоучета населения. Был выдвинут лозунг «Не пропустить ни одного человека!», который повторялся во всех популярных брошюрах [41] и, наконец, стал лозунгом социалистического соревнования за проведение переписи на «отлично».

Бюро переписи населения 1939 г. возглавил заведующий отделом демографической статистики И. Ю. Писарев. Большое участие в подготовке переписи принимал Н. Я. Воробьев. Вновь были собраны все оставшиеся на свободе лучшие силы советской статистики. Вопрос о привлечении кадров, участвовавших в переписи 1937 г., к переписи 1939 г. специально обсуждался на переписной комиссии ЦУНХУ [42], где присутствовали И. Ю. Писарев, В. Н. Старовский, И. Саутин и др. Рассматривали предложение заместителя начальника УНХУ и начальника бюро переписи Горьковской области Ардашева о необходимости собрать подробные характеристики всех инспекторов в отношении их участия в переписи 1937 г. и узнать, как они работают в данный момент. Очевидно, это было сделано, и инспекторы и счетчики были частично привлечены к участию в переписи 1939 г. Например, на Московской и Ленинградской счетных станциях штаты для переписи, особенно руководящие работники, были подобраны в основном из тех людей, которые проводили перепись 1937 г. [43] Кроме того, в 1939 г. старшим консультантом Чукотки работал Николенко, который в 1937 г. был там заместителем начальника Бюро переписи населения [44]. Особенно тщательно подошли к подготовке счетчиков. Этот вопрос специально обсуждался Молотовым, Ждановым, Вознесенским, Саутиным [45]. Счетчиков теперь было около 500 тыс., так как перепись должна была проводиться в городах в течение недели, а в селах — полутора недель. Был разработан специальный техминимум, который сдавал каждый счетчик, однако техминимум содержал особый пункт об «извращениях и недостатках» переписи 1937 г. [46] Для проведения переписи был выбран зимний будничный день — 17 января.

Инструкция по проведению переписи 1939 г. была утверждена СНК СССР 26 июля 1938 г. [47] В ней были перечислены все категории населения, которые могли по каким-либо причинам отсутствовать дома во время проведения переписи; все они переписывались по месту нахождения и получали справки о прохождении переписи. Все заключенные переписывались в местах заключения. Однако инструкция впервые в практике советских переписей вводила репрессивные меры. В постановлении СНК СССР от 26 июля 1938 г. «О Всесоюзной переписи населения 1939 г.» (пункт 15) указывалось, что граждан, уклоняющихся от дачи сведений или дающих заведомо неверные сведения, следует привлекать к судебной ответственности. В редакционной статье «Правды» разъяснялось по этому поводу, что каждый, кто по вражескому наущению или собственной несознательности мешает безукоризненному проведению переписи, тем самым наносит ущерб интересам нашей родины [48]. Таким образом, делу был придан политический характер.

Наперед заданные результаты, навязывавшиеся переписи, зазвучали теперь еще назойливее, чем в 1936 г., и обрели директивный характер. В категорической форме было заявлено: «перепись подтвердит еще раз сталинский анализ величайших изменений», покажет «величественные», «неслыханные» успехи в области численности населения при социализме, в условиях которого ежегодный прирост населения равен населению такой страны, как Финляндия [49]. Столь же величественные достижения перепись должна была показать и в других областях Эти прогнозы были распечатаны накануне переписи миллионными тиражами: тираж массовых популярных брошюр составил 3 млн. экз., лозунгов — 15 млн., плакатов — 2,5 млн., брошюр и докладов для инструкторов, лекторов — 600 тыс. [50]

Спасать перепись от фальсификации в этих условиях было гораздо сложнее, чем в 1937 г. Но и в этих труднейших условиях советские статистики

И. Ю. Писарев, Н. Я. Воробьев, И. И. Верменичев, С. П. Струмилин и др. многое сделали для подготовки и разработки научной программы Всесоюзной переписи населения 1939 г. и ее реализации. Как показывают материалы заседаний переписной комиссии [51], Молотов лично в них не участвовал, хотя было заявлено о том, что программа разрабатывалась под его руководством. Сохранились лишь письма к нему начальника ЦУНХУ Саутина [52] по поводу программы переписи. Прямое вмешательство в разработку переписного листа со стороны Председателя СНК не прослеживается, но многие вопросы с ним согласовывались. Видимо, все его внимание было сосредоточено на вопросах численности населения, именно их он держал под своим непосредственным контролем. Об этом свидетельствует активная переписка Саутина с ним и его заместителем А. И. Микояном о мерах по обеспечению полного учета общего и городского населения [53]. В ЦУНХУ были разработаны подробные таблицы для отчета с мест (11 позиций на 5 страницах) по этому поводу, которые систематически заполнялись УНХУ. В дополнение к этому введены были сводки по учету населения на местах, которые периодически посылались в центр. В ЦУНХУ постоянно заслушивались отчеты из Белоруссии, Азербайджана, Туркмении, регионов РСФСР, с Украины о состоянии дел по учету населения, которое часто признавалось неудовлетворительным [54]. Немало сделано было здесь и полезного: приведены в порядок домовые книги, упорядочены названия улиц и площадей, составлены порайонные карты, похозяйственные книги и т. д.

Однако постепенно в стране развертывалась кампания в погоне за определенной цифрой населения. Недоучтенных выискивали повсюду. СНК СССР даже предписал счетчикам и контролерам «всесторонне изучить места возможного скопления бездомных, нищих, безнадзорных». Они должны были осмотреть «чердаки, подвалы, котлы для варки асфальта, общественные уборные и др.» [55] Были посланы экспедиции на поиски мест обитания человека в необжитые и малоизвестные места Каракумов [56].

Обеспокоенные ажиотажем вокруг цифры численности населения в СССР, статистики стремились как можно полнее учесть население, а с другой стороны, исключить возможность приписок. По инструкции, чтобы не переписывать респондента дважды, счетчик обязан был опрашивать его исключительно в личной беседе. В этих целях предусматривалось неоднократное посещение опрашиваемого, и только в крайнем случае, при полной невозможности опросить его лично, он заносился в списки со слов членов семьи, но после тщательной проверки этих сведений. Прошедшие перепись по месту жительства и выехавшие получали справку о прохождении переписи, чтобы не проходить ее вторично. Поэтому-то основная масса недоучтенных, как правило, выявлялась не во время самой переписи, а при контрольных обходах. Это не значит, что недоучета не было в действительности. Контрольные комиссии обнаруживали пропуски, но, к сожалению, бывало, что это делалось под давлением УНХУ. Примером является постановление Тамбовского областного УНХУ за подписью Ф. А. Лобанова. Оно содержит прямую угрозу районным инспекторам Костину, Тулякову и Дербеневу, которые, кроме последнего, обнаружившего всего 13 человек недоучтенных на своем участке, осмелились заявить, что пропусков населения в их районах не обнаружено. Но и 13 выявленных человек не спасли Дербенева. Все трое были обвинены в формальном отношении к делу. При этом недвусмысленно подчеркивалось: «...этим товарищам, участвовавшим в проведении переписи 1937 г., материал которой признан правительством дефектным, должно быть ясно, что основной дефект этой переписи был недоучет населения» [57]. В документе выражено удивление по тому поводу, что в ходе подготовительных работ до сих пор «не вынесено ни одного взыскания». В такой ситуации не все инспекторы сохранили мужество. В другом приказе Тамбовского УНХУ фигурирует инспектор Афанасьев, который только после «проработки» за принципиально неверный подход к учету населения, сразу выявил 287 недоучтенных в своем районе. Тем не менее в приказе эта цифра расценена как совершен-

но недостаточная» (!?) [58], что наводит на мысль о существовании разнарядки на выявление недоучтенных, хотя прямых данных об этом мы не имеем. Во всяком случае, для приписок ситуация была благоприятной.

В результате всех усилий итоговая цифра общей численности населения была обретена: 170 млн. человек [59]. Безусловно, эта цифра нуждается в проверке. По мнению современных статистиков, преднамеренный переучет населения в этой переписке составил 1—2 млн. человек [60], т. е. примерно 0,6—1,2%. Следуя за этими расчетами, опубликованными В. В. Цаплиным, мы бы считали более верной цифрой переучет в 2,5—3 млн. чел. (1,8%). Однако было бы несправедливо не отметить, что благодаря мужеству и честности большей части организаторов и счетчиков, проводивших перепись, процент завышения самый минимальный, так как на основании исчислений Госплана предполагаемая численность населения поначалу должна была к январю 1939 г. составить 183,7 млн. человек, а затем, после корректировки П. И. Поповым — 170—175 млн. человек [61]. Кроме того, полученная цифра никак не давала повода говорить о ежегодном приросте населения, равном численности населения Финляндии.

Уточнения требует, на наш взгляд, и численность городского населения в переписи 1939 г.— 55 910 тыс. человек [62]. Этот вопрос рассматривался в свете сталинских указаний и потому был объявлен делом политической важности, показателем успехов индустриализации. На совещании начальников УНХУ и Бюро переписи населения 1939 г. было решено «проявить большое усердие в этом вопросе» [63]. По традиции перед каждой переписью принято было пересматривать статус населенных пунктов; некоторые из них переводились в города, другие — из городов в села. Критерии были выработаны еще в «Общем положении о городских и сельских поселениях в РСФСР» (1924 г.) и «Положении о рабочих поселках» (1925 г.). И теперь они были взяты за основу [64]. Это положительный момент, вызывающий доверие к этой информации, тем более, что в самом пересмотре статуса населенных пунктов не было нарушений обычных правил переписи, а урбанизация страны в связи с индустриализацией делала эту работу особенно необходимой. Саутин сообщал в письме Микояну, что в РСФСР 800—900 пунктов, числящихся селами, созрели для перевода их в города [65]. Однако очень скоро вновь почувствовалась ориентация на определенную цифру городского населения. Саутин с беспокойством писал в СНК СССР Молотову, что если ряд населенных пунктов, общее число жителей которых составляет в РСФСР 1,9 млн. человек, а на Украине — 2,4 млн., не будет до переписи переведен в городские поселения, то общая численность населения в городах окажется преуменьшенной на 4—5 млн. [66] В погоне за определенной цифрой в ряде случаев несколько «свободно» обращались с городскими границами. Во всех предыдущих переписях критерием городской границы было единство застройки и экономическая общность. Теперь был введен новый критерий: принадлежность населения к городскому или поселковому Советам. На практике этот принцип определения границы не всегда соблюдался. Так, по предложению заместителя начальника ЦУНХУ все дачные поселки и села аналогичного типа, в которых проживали рабочие и служащие Москвы и Ленинграда (около 400 тыс. чел.), были отнесены к этим городам [67]. А между тем бóльшая часть их находилась в ведении поселковых советов.

Дело с изменением статуса населенных пунктов продвигалось медленно, особенно на местах. В связи с этим на совещании у М. И. Калинина было решено ускорить его, обратившись с письмом к местным Верховным Советам, чтобы те, в пределах своих прав, провели обоснованный перевод сельских пунктов в городские [68]. Работа эта по большей части проводилась в спешке и в одностороннем порядке; обратного превращения городов в села почти не было. В итоге предпринятых усилий была получена численность городского населения, более чем в 2 раза превышавшая тот же показатель 1926 г.

Однако этими цифровыми данными далеко не исчерпываются материалы

переписей. Рассмотрим подробнее программы всех трех всесоюзных переписей. Остановимся прежде всего на анализе их переписных листов. В архиве сохранились варианты этих документов, которые позволяют проследить историю их разработки.

В окончательных вариантах переписных листов содержалось в 1926 г. 15 вопросов, а с подвопросами — 23; в 1937 г.— 14 (подвопросов не было); в 1939 г.— 15, с подвопросами — 21. Все вопросы подразделяются на следующие крупные группы: пол и возраст; народность (национальность) и родной язык; семейное положение; гражданство; занятие, положение в занятии и отрасль труда. Сравнение переписных листов [69] все трех переписей показывает, что между переписными листами 1926 и 1939 гг. больше сходства, чем каждого из них с переписным листом 1937 г.

В последнем случае вопросы максимально упрощены, их формулировки предельно сжаты. На них легче отвечать, но полученная информация беднее в силу отсутствия подвопросов и однозначности ответов, которые часто сводились по требованию инструкции к «да» или «нет».

Представляет интерес для исследователя история формирования групп вопросов и их формулировок в переписных листах, поскольку она несет на себе отпечаток конкретных условий своего времени. Поэтому в дальнейшем при анализе переписных листов целесообразно привлекать и различные варианты их проектов: два проекта 1937 г. [70] и один — 1939 г. [71] Возможно, что их было гораздо больше, но нам удалось выявить лишь эти. Первый из проектов 1937 г. имеет помету: № 3, «Образец», напечатанную красным шрифтом. Второй имеет рукописную помету черными чернилами — «Последняя редакция», хотя он сильно отличается от утвержденного переписного листа. Обозначим их условно — проект № 1 и проект № 2. В проекте № 1 содержатся 13 вопросов с 27 подвопросами, в проекте № 2 соответственно — 14 и 24. Проект переписного листа 1939 г. содержит 17 вопросов с 25 подвопросами. Этот документ датируется январем 1938 г. Наряду с этими вариантами переписных листов 1937 и 1939 гг. рассмотрим также программу переписного листа, содержащуюся в рукописи под редакцией Н. Я. Воробьева. Поскольку влияние этой программы на формирование переписных листов очевидно, обозначим ее условно как первоначальный вариант переписного листа 1937 г., в нем 18 вопросов с 33 подвопросами.

В связи с тем, что первая группа вопросов (ф. и. о., пол, возраст) во всех переписных листах и их проектах одинакова, перейдем сразу к вопросам по учету населения. В переписном листе 1926 г. учитывалось постоянное и наличное население в городах и наличное в селах, поскольку предстояла сельскохозяйственная перепись, которая должна была учесть постоянное население в деревне. Однодневная перепись 1937 г. учитывала лишь наличное население. В 1939 г. вопросы о постоянном и временном проживании охватывали не только город, но и деревню, фиксируя обе категории населения повсеместно. Такая постановка вопросов должна была способствовать наиболее полному учету населения страны.

Большие дебаты среди организаторов переписи вызвали вопросы о национальности и родном языке. В 1926 г. участники IV Всесоюзного съезда статистиков в большинстве своем высказались за постановку вопроса о национальности [72]. Однако ЦСУ утвердило вопрос о народности в целях наиболее полного учета этнического, или племенного состава населения. В циркуляре ЦСУ разъяснялось, что определение народности должно быть предоставлено самому опрашиваемому, и показаний его не следует изменять. Лица, потерявшие связь со своим племенем, могли назвать ту народность, к которой они себя относили в момент переписи [73]. Вопрос о народности-национальности оставался спорным и в 1937 г. Это видно по тому, как менялась его формулировка: в первоначальном варианте — «народность», в проекте № 1 — «национальность», в проекте № 2 — снова «народность», а в окончательном варианте переписного листа — «национальность» [74]. В инструкции по заполнению переписного листа

1937 г. указывалось, что следует записывать ту национальность, к которой причисляет себя опрашиваемый [75], и четко соблюдать это условие, т. е. сохранялась единственно правильная ориентация на самоопределение опрашиваемого. Такой подход и формулировка вопроса были сохранены в 1939 г.

Особенно много было споров вокруг вопроса о том, какой язык следует считать родным. На съезде статистиков в 1926 г. предлагалось считать родным языком тот, на котором говорит семья или мать. На этом настаивал Михайловский, считая, что «родной язык надо отличать от разговорного (обиходного) языка» [76]. В итоге обсуждения был найден более оптимальный вариант: считать родным языком тот, которым лучше всего владеет опрашиваемый и на котором он говорит в обыденной жизни. В инструкции к переписному листу разъяснялось, что ответ о народности может не совпадать с ответом о родном языке. Все же ответ на этот вопрос вызывал порой затруднения у населения и споры в семьях. В переписном листе 1937 г. формулировка вопроса и инструкция по заполнению ответа были предельно упрощены: записывалось название того языка, который сам опрашиваемый считал родным. Для детей, не умеющих говорить, родным считался язык, на котором говорила его семья. Такая постановка вопроса о языке содержалась и в переписном листе 1939 г.

Любопытную трансформацию претерпел вопрос о подданстве иностранных граждан, который в 1926 г. был подвопросом о народности. В переписях 30-х гг. он приобрел самостоятельное звучание и был распространен на граждан СССР. В информационном плане это было лишено всякого смысла. Вопрос о подданстве советских граждан имел функциональное назначение и был поставлен в воспитательных целях. Конституция 1936 г. ввела единое советское гражданство для всех республик, а вопрос о подданстве должен был помочь каждому осознать свою принадлежность к единому государству.

В целях изучения миграционных процессов в стране в переписной лист 1926 г. была введена группа вопросов о месте рождения и продолжительности проживания в месте проведения переписи. Эта группа включала целый комплекс подвопросов: где родился, если не здесь, то где (требовалось назвать губернию, уезд, волость или город). В последний раз примерно в тех же формулировках эти вопросы и подвопросы встречались в первоначальном варианте переписного листа 1937 г. В последующих проектах и переписных листах 1937 и 1939 гг. они сняты, поскольку в обстановке массового насильственного переселения жертв раскулачивания и целых народов приобрели опасную остроту.

В переписных листах всех трех переписей присутствует важный с социальной и демографической точек зрения вопрос о семье. В 1926 г. он формулировался так: «семейное состояние» — и касался лишь брачных отношений (в городах этот вопрос дополнялся особой семейной картой с широким кругом вопросов). Состояние в браке характеризовалось очень полно, так как предлагался большой выбор вариантов ответа: холост, женат, замужем, вдов[а], разведен[а]. К сожалению, в последующих переписях этот вопрос обеднен. В предварительном варианте 1937 г. он еще сохранял более или менее пространную формулировку: состояние в браке, сколько времени прошло со времени вступления в брак? В проектах № 1 и 2 он присутствовал почти в том же виде, а в переписном листе обрел лаконичную формулировку: «состоит ли в браке?» По инструкции полагался односложный ответ: «да» или «нет». Эта формулировка скопирована в переписном листе 1939 г. Зато (и это было правильным решением) в 1939 г. впервые фиксировалось фактическое состояние в браке, независимо от того, зарегистрирован брак или нет. Кроме того, в переписной лист этой переписи был включен вопрос о том, в каком родстве респондент состоит с главой семьи: жена, сын, дочь, сестра, мать и т. д. Вопрос этот был важен, так как давал возможность определить численность семьи, количество детей, структуру семьи, из скольких поколений она состоит. Вопрос этот предполагалось включить в переписной лист 1937 г., о чем свидетельствуют проекты этого листа, но в окончательный вариант он все же не попал, а в 1939 г. был восстановлен.

Весьма любопытна постановка вопроса о грамотности в переписях, чрезвычайно важной для государства в связи с политикой по ликвидации неграмотности населения. В 1926 г. вопрос о грамотности включал подвопросы: на каких языках респондент читает и пишет, или только читает, или вовсе неграмотен. По инструкции грамотность определялась как умение читать хотя бы по слогам и умение написать свою фамилию. Лица, умеющие подписать свою фамилию, не умея читать, записывались как вовсе неграмотные. Достижением этой переписи являются, во-первых, дифференциация уровня грамотности и, во-вторых, фиксация языка грамотности. Н. Я. Воробьев придавал большое значение последнему моменту [77] и поэтому в предложенном им первоначальном варианте переписного листа 1937 г. эти вопросы рекомендовал и для всех последующих переписей. В проекте № 1 они все присутствовали, но уже в проекте № 2 и окончательном варианте переписного листа переписи 1937 г. мы их не найдем. В переписном листе осталось лишь: «грамотен ли?» По инструкции к переписному листу полагался лаконичный ответ: «да» или «нет». И, что еще хуже, исчезли подвопросы, определяющие уровень грамотности и язык грамотности. Трудно даже определить меру потери информации, зато можно с уверенностью сказать, что упрощение формулировки о грамотности не исключало завышения ее уровня. В переписи 1939 г. была возрождена лишь та часть формулировки 1926 г., которая касалась уровня грамотности. В проекте переписного листа язык грамотности вовсе не учитывался, но в окончательном варианте язык как будто бы указывался, но с другой целью — полнее охватить грамотных на всех языках. Вопрос выглядел следующим образом: «Читает и пишет или только читает на каком-либо языке; или вовсе неграмотен». Однако по инструкции сам язык грамотности не отмечался. Таким образом, важные сведения были упущены и в этой переписи.

Вопрос об образовании был впервые введен в перепись 1937 г. как один из важнейших. В предварительном варианте фиксировалось законченное и незаконченное образование: где учится респондент? где обучался? Эти вопросы фиксировали и профессию, что было важно для регулирования подготовки специалистов. В этом виде вопросы повторялись и в проектах переписного листа. Однако в его окончательном варианте они были сильно формализованы: в какой школе учится (начальной, средней или высшей); в каком классе или на каком курсе учится; окончил среднюю или высшую школу? Как видно, отсюда исчез вопрос о названии учебного заведения, т. е. о профессии, тем более что инструкция требовала ответа краткого: среднее, высшее, начальное образование. Во-вторых, не фиксировалось незаконченное образование, неполное. Большим упущением было и то, что заочно обучающиеся, равно как и обучающиеся в ФЗУ, профшколах, ликбезе, на различных курсах среди учащихся не отмечались. А между тем эти виды обучения были в ту пору широко распространены.

В переписи 1939 г., судя по проекту переписного листа, была сделана попытка исправить положение: восстановили вопрос о названии учебного заведения, в котором обучался респондент; учли обучение на курсах, в том числе краткосрочных; ввели новый вопрос о полученной специальности, но в переписном листе он был снят. Инструкция по заполнению переписного листа 1939 г. требовала учета учащихся всех учебных заведений, курсов, вечерних и заочных, причем эти виды обучения приравнивались к стационарным. Вместе с тем инструкция грешила рядом «неточностей». В ней отсутствовали понятия — полное и неполное среднее и высшее образование. В соответствии с этим не уточнялось, закончил или не закончил респондент среднюю или высшую школу, название и профиль законченного учебного заведения не указывались. Следовательно, лица, окончившие неполную среднюю школу (7 или более классов), учитывались как закончившие ее. Это давало возможность, как и в 1937 г., завышать данные об уровне образования.

Самым крупным комплексом были в переписях вопросы о занятиях населения. В 1926 г. фиксировалось как главное, так и побочное занятие, приносившее доход. Если их было несколько, то записывалось то, которое приносило

наибольший доход. Инструкция уделяла особое внимание сезонным работам, учитывая те из них, которые повторялись из года в год. Фиксация этих сведений была важна для выяснения социальной мобильности населения, так как переход из одной социальной группы в другую был часто связан с побочным занятием, в частности, с отхожим промыслом.

Для описания занятия была разработана особая форма, которая позволяла это сделать подробно и всесторонне. Учитывались все виды занятий (ремесло, промысел, работа, должность и специальность, уровень квалификации). Выяснялось положение лица в занятии: хозяин, член артели, одиночка, рабочий, служащий, помогающий в занятии член семьи. Уточнялось, работает хозяин с наемными рабочими или лишь с членами своей семьи. Спрашивалось название учреждения, заведения или предприятия с обозначением рода производства, с которым связан опрашиваемый. Так, в деликатной форме по совокупности ответов определялись социальный статус респондента, его профессия, квалификация, отрасль производства.

Специальный вопрос адресовался безработным. Поскольку эта проблема была тогда очень острой, то выяснялось, каково прежнее занятие безработного, сколько времени он не работает, впервые ли он остался без работы и т. д. Эти вопросы позволяли, по мнению Н. Я. Воробьева, существенно корректировать данные о безработных бирж труда. Для исследователей есть при обращении к этим данным немало загадок. Известно, например, что число безработных по Московской бирже труда в полтора раза превышало сведения переписи 1926 г. [78] Между тем, как правило, статистика бирж принимается исследователями на веру.

Важнейшими вопросами, уточняющими социальную структуру населения, являлись сведения об источниках доходов лиц, не имеющих собственного занятия. Получали эти сведения в деликатной форме. Если это были свои собственные средства, то требовалось указать, какие именно: стипендия, пособие собеса или страхкассы, пенсия, доход от дома, сбережения и проч. Если — чужие, то уточнялось занятие кормильца, его положение в занятии, отношение к нему респондента (член семьи, кто именно). Как видно, в эту категорию попадали люди разного социального статуса — учащиеся, домовладельцы-рантье, иждивенцы государственных учреждений и проч., но ответ для всех них не представлял сложности. При использовании же эти ответы можно было легко дифференцировать по категориям.

К середине 30-х гг. социальная структура советского общества претерпела коренные изменения и, естественно, потребовались коррективы в переписном листе. Рациональным образом эта проблема была решена Н. Я. Воробьевым. В первоначальном варианте переписного листа (1937 г.) было снято подразделение хозяев на работающих с наемными рабочими или без найма, однако категория «самостоятельный хозяин» была оставлена в вопросе о положении в занятии. Были подробно расписаны члены коллективных хозяйств, наряду с членами артелей выделены члены колхозов и коммун; среди рабочих введена категория «ученик в производстве» (кстати, очень многочисленная в то время). Все другие категории — рабочие, служащие, члены семьи, помогающие в занятии,— остались в переписном листе, равно как и вопрос об источниках дохода. К имеющим собственный доход не от занятия причислены и живущие на средства от сдачи домов. Следовательно, какие-то остатки прежних социальных групп продолжали существовать. Может быть, преждевременно был снят прямой вопрос о безработных, но оставшийся вопрос об источнике дохода восполнял отчасти этот пробел.

Работая над переписным листом, статистики, как видно, настаивали на сохранении вопросов о занятии. В проекте № 1 главная группа вопросов о занятии продолжала сохраняться. Но уже в проекте № 2 появился вместо подвопроса о положении в занятии лобовой вопрос о принадлежности респондента к общественной группе: рабочим, служащим, колхозникам, единоличникам, кустарям, лицам свободных профессий, служителям культа или к другим

нетрудящимся элементам. В окончательном варианте переписного листа этот подвопрос превратился в самостоятельный. Сама по себе постановка вопроса не приветствовалась статистиками, так как нарушала научные принципы программы переписи. Излагая свою точку зрения по этому поводу, Н. Я. Воробьев писал, что во избежание получения ложных сведений мы можем спрашивать при переписях только о фактах и отнюдь не должны заставлять население давать оценки или классифицировать [79]. В самом деле, кому же хотелось записываться в нетрудящиеся элементы, когда престижнее и безопаснее было назваться рабочим или служащим?

Кроме того, при определении самих общественных групп пришлось руководствоваться упрощенной и огрубленной для того времени схемой Сталина—Молотова. На XVIII съезде Советов Сталин категорически заявил, что «наше общество состоит исключительно из рабочих, крестьян и интеллигенции, а все другие слои общества исчезли с лица советской земли» [80]. Молотов, в свою очередь, дал особую трактовку рабочего класса, включив в его состав индустриальный пролетариат, служащих, а также весь государственный аппарат [81]. Столь расширительное толкование рабочих наводит на мысль, что уже тогда возникла необходимость замаскировать чрезмерное разбухание госаппарата.

Введение этой схемы привело к явным потерям в социальной структуре, фиксирующейся переписью: исчез термин «самостоятельный хозяин», он был заменен обидным — «единоличник»; нетрудящиеся объединялись в одну группу со служителями культа; некооперированные и кооперированные кустари рассматривались как единая группа; не была вычленена группа иждивенцев государства (пенсионеров и стипендиатов). По инструкции последние заносились в ту общественную группу, к которой они принадлежали до перехода на пенсию или стипендию. Явной натяжкой было требование инструкции рассматривать иждивенцев частных лиц по статусу кормильца (так, нетрудоспособная взрослая дочь рабочего относилась к рабочим; жена-домохозяйка расписывалась по статусу мужа и т. д.). При том, что был изъят вопрос об источнике средств существования, присутствовавший в 1926 г., критерии социального деления были в переписном листе 1937 г. смазаны.

Нельзя не отдать должного в этой ситуации статистикам, которые сумели внести некоторые коррективы в эти схемы. Во всяком случае рабочие были отделены от служащих, а госаппарат отнесен к группе служащих, сохранены лица свободных профессий. Но, главное, им удалось в проекте № 2 и окончательном варианте листа сохранить вопросы о роде занятий и месте работы, которые позволяли контролировать ответы на лобовой вопрос о принадлежности к общественной группе. Это должно было в какой-то мере оградить перепись от фальсификации в данной области.

В проекте листа 1939 г. все вопросы 1937 г. сохранены в том же виде. К ним добавлен вопрос о летних сезонных занятиях, однако в окончательном варианте листа он не значится. Зато организаторам переписи удалось восстановить, хотя и в урезанном виде, вопрос об источнике средств существования: «Род занятий (службы) в настоящее время или другой источник средств существования». На этом основании удалось составить немало интересных таблиц, которые хранятся в архиве. В переписном листе 1939 г. была (как в переписи 1926 г.) дифференциация кустарей на кооперированных и некооперированных.

Необходимость в ходе переписи классифицировать население по общественным группам породила немало неувязок. В ряде мест к нетрудящимся были отнесены инвалиды и старики; члены семей колхозников, занятые в подсобном хозяйстве, переписывались как единоличники, тогда как члены семей рабочих — как рабочие. Этому способствовала и неясность в шифровке к переписи 1937 г. В 1939 г. принцип классификации неработающих членов семьи по статусу кормильца проводился более последовательно, и занятых на приусадебных участках членов семьи колхозников отнесли к колхозникам. Вопрос о религии возник в переписном листе 1937 г. на самом последнем этапе, в проекте

№ 2. Он еще больше нарушал научные принципы статистики, чем вопрос об общественных группах. По всех вероятности, он был введен туда чьей-то редакторской рукой. И потому, что он остался в переписном листе вопреки всякому здравому смыслу, ясно, что противиться его появлению статистики не могли. Авторство Сталина здесь не вызывает сомнений, так как именно он возглавлял дело переписи и подготовительные материалы были ему представлены. В печати прямо утверждалось, что Сталин «лично редактировал переписной лист, сделав его простым, ясным и содержательным» [82].

Отвечая на вопрос о религии, каждый гражданин должен был обозначить свое отношение к ней, а верующий — указать, какую веру исповедует. Поскольку в то время религиозность рассматривалась как тяжелое наследие прошлого, как пережиток, а квалифицировалась как «религиозные предрассудки», трудно было ожидать искренних ответов на этот вопрос. Действительно, при проведении переписи он отпугнул население, встречались отказы отвечать на него, оказывалось давление родителей на детей, особенно в Средней Азии. Кроме того, в практике переписи встречались оскорбительные переводы слова «неверующий» на национальные языки [83]. Поползли слухи о том, что «всех тех, кто записался верующим, должны забрать», что «будут клеймить неверующего» и т. д. [84] Хотя в ходе переписи стало ясно, что вопрос этот был неуместным, освободиться от него было нелегко. Саутин неоднократно доказывал правительству, что его необходимо снять. Видимо, наконец это удалось сделать, так как в проекте переписного листа 1939 г. этот вопрос есть, а в самом переписном листе он снят.

Таким образом, на программе переписного листа 1937 г. конъюнктура сказалась тяжело: лобовые вопросы об общественных группах и религии, наперед заданные результаты по некоторым показателям, отступления в пользу схематизма, навязывание односложных ответов. И все же многое удалось сохранить из практики предшествующей переписи.

Итак, потерпев фиаско с переписью 1937 г., правительство в 1939 г. уже не столь навязчиво вмешивалось в программу переписного листа. Поэтому, хотя и в урезанном виде, но часть вопросов удалось восстановить, приблизив программу этой переписи к первоначальному варианту переписного листа 1937 г. (рукопись Н. Я. Воробьева). В итоге программа переписи 1939 г. получилась богаче и разнообразнее, чем в 1937 г.

Для шифровки материалов переписей составлялись словари занятий. Словарь 1926 г. разрабатывался на основе словаря 1920 г., был дополнен материалами профучета персонала фабрично-заводской промышленности (1925 г.), тарифного справочника ЦК профсоюзов. Основная работа была проделана Г. С. Полляком и М. Я. Катель. В качестве консультантов привлекались Н. Я. Воробьев и В. П. Ефремов. Принимали участие в этом деле и сотрудники отдела статистики труда ЦСУ О. П. Зарзар, С.Н. Гуревич, О. С. Литвинов, В. П. Чанышев и др. Оригинал рукописи хранится в архиве, он почти полностью опубликован [85]. В нем очень полно представлен перечень профессий того времени всех общественных групп: рабочих (слесарь, электросварщик, аршинщик и др.); служащих (агроном, инженер, руководители учреждений и др.); лиц свободных профессий (поверенные, репетиторы, врачи и др.); хозяев с наемными рабочими (заводчики, подрядчики, судовладельцы и др.); рантье (домовладельцы, землевладельцы, ростовщики и др.); деклассированных (босяки, воры, гадалки, проститутки, хироманты и пр.). К лицам свободных профессий относились и священнослужители: православные (архиерей, митрополит, епископ и др.), служители других культов (аббаты, имамы, ксендзы, муллы, шаманы и пр.). Присутствовал ряд профессий, уходящий в прошлое: офени, коробейники, сидельцы в магазинах и др. Подробно фиксировались сельскохозяйственные профессии (пахари, землепашцы, сельские хозяева), среди них были вновь появившиеся — трактористы, механики по тракторному делу. Специфика региональных занятий была отражена в словаре слабо: дехкане, чабаны, духанщики и т. д. Появился новый ряд советских профессий служащих: народных комиссар,

политработник, член месткома и др. Но таких занятий тогда было мало. Если у разных общественных групп совпадали специальности, то фиксировалось положение в занятии: кондитер-рабочий, кондитер-хозяин, кондитер-торговец.

Этот словарь был положен в основу переписи 1937 г., но существенно переработан в связи с реконструкцией производства и коллективизацией. Если в словаре 1926 г. было свыше 10 тыс. названий занятий, то в словаре 1937 г. их стало 14 тыс. [86] Коррективы в словарь были внесены на основе тарифных справочников ЦК профсоюзов и материалов опытной переписи населения (сентябрь 1932 г.) г. Тулы и четырех районов Московской области (об этой переписи мало известно в литературе), а также переписи членов профсоюзов в 1930 и в конце 1932 — первой половине 1933 г. Работа над словарем велась под руководством С. Йозефовича и при участии Е. Морыгановой, Н. Смирновой, А. Соловьевой, Р. Цетлина, М. Чулковой. На всех стадиях работы советами помогал Г. С. Полляк.

Новым положительным моментом в словаре 1937 г. были сведения об уровне образования, который отмечался при названии занятия. Дифференцировалось занятие и в связи с разным социальным статусом: хлопковод, хлебопашец имели примечание — единоличник, или колхозник, или агроном, или рабочий и т. д.; молочник — рабочий на ферме, продавец в магазине, продавец молока из собственного хозяйства и т. д. Значительно больше, чем в 1926 г., стало профессий советских и партийных работников: парторганизатор, торгпред, нарком, комсорг и пр. Примечательно, что кроме профессии охранник появилась новая специализация — военизированная охрана. Видимо, это было связано с разбуханием аппарата НКВД и мест заключения (к началу 1940 г. военизированная охрана одного «Гулага» насчитывала около 100 тыс. человек).

Появилось немало новых профессий: комбайнер, бригадир, звеньевой, машинист на тепловозе, на электровозе, водитель метро. Часть старых занятий была исключена (скотопромышленник, фермер, подрядчик, заводчик и т. д.) как отжившие, но другие были сохранены (сельский хозяин, межевик, содержатели постоялых дворов, буфетов, харчевен, чайханщики). Категории рантье уже нет в словаре, но еще осталась категория живущих на доходы от сдачи домов, от займов, от продажи имущества, на средства, присылаемые из-за границы. Довольно широко представлены занятия деклассированных, исключены лишь колдуны, сутенеры. Как и в словаре 1926 г., в словаре 1937 г. присутствуют такие категории, как арестант и заключенный. По перечню профессий видно, как разросся партийный и государственный аппарат, и все же критики нашли здесь упущения: не были поименованы председатели колхозов и другие руководящие должности. Недопустимой, с их точки зрения, была расшифровка деклассированных, которая, по официальной оценке, содержала «явно контрреволюционные и клеветнические вещи» [87]. Некоторые из упомянутых в расшифровке профессии действительно устарели, например, гувернантка, лакей. Однако они, по всей вероятности, были оставлены для людей, которые всю жизнь имели их, и теперь, в старости, не имея других занятий, продолжали себя к ним причислять. Но, безусловно, словарь не имел никакого контрреволюционного содержания, которое мерещилось тогда во всем. Такие же занятия, как бродяги, нищие и т. д., продолжали существовать и в 1939 г., как мы видели выше.

Поскольку этот словарь был забракован, то для переписи 1939 г. было подготовлено два словаря: алфавитный и систематический. Мы располагаем не только окончательным вариантом систематического словаря, но и его проектом [88]. Оба словаря были составлены Ленинградской станцией механического счета с привлечением консультантов из Москвы и Ленинграда. В предисловии к проекту систематического словаря категорически отвергается словарь 1937 г., но в это трудно поверить, так как штаты станции, особенно руководящие, состояли из людей, проводивших перепись 1937 г. Среди источников, использованных в словаре, упоминаются тарифно-квалификационные справочники, штатные расписания и должностные характеристики отдельных ведомств и предприятий,

предложения УНХУ и др. Однако усложнившаяся конъюнктура больше всего, пожалуй, сказалась на этом словаре. Во-первых, в отличие от прежних словарей, он ограничивался лишь общественнополезными занятиями, приносящими заработок или доход. Перечень иных источников существования (не от занятий) не включен [89]. Тем самым были сразу достигнуты две цели: словарь отразил лишь занятия рабочих, крестьян, служащих и кустарей, исключив тем самым из социальной структуры все прочие, «остаточные» элементы как не имеющие полезных обществу занятий. И, кроме того, эта неполнота спасала статистиков от фальсификации самих занятий. Специфике социальной структуры национальных районов здесь было уделено еще меньше внимания, чем в других словарях. Насколько обеднен был словарь, видно хотя бы из того, что в нем не отражены занятия лиц свободных профессий, не упомянуты священнослужители, исчезли чайханщики, дехкане, заключенные. Чрезвычайно подробно расписаны занятия руководящего персонала общесоюзного, республиканского и областного масштаба. Очевидно, эти профессии стали массовыми. Особенно подробно характеризуются руководители в сельском хозяйстве.

Проект словаря широко рассылался для обсуждения, были даны обширные замечания из Наркомпроса РСФСР, Наркомата торговли СССР, ЦК союза городского транспорта, Наркомата горной промышленности, Главугля, Главзолота и прочих организаций. Замечания создателями проекта были учтены. При издании в словарь был введен ряд новых профессий: рабочий на культиваторе, на картофелепосадочной машине, подробно были расписаны профессии рабочих метрополитена. Среди служащих подробно перечислены конструкторы, биологи-агрономы, зоотехники и пр. [90]

Большое значение для истории переписи 1939 г. имеет инструкция к ее шифровке (шифровка занятий рабочих и служащих). Она частично опубликована в алфавитном словаре занятий, а ее неопубликованная часть, довольно обширная, хранится в архиве [91]. Эта часть инструкции показывает, как организаторы переписи старались проконтролировать вопрос о принадлежности респондента к той или иной общественной группе. Инструкция предписывала не ограничиваться ответом опрашиваемого на него, а сверять с ответом на вопрос о занятии и источнике дохода, в случае же расхождения ответов преимущество отдавать занятиям и источникам дохода. Обращалось внимание на особо тщательную проверку ответов. Так, если человек называл себя рабочим или служащим, а в качестве места работы указывал артель, то шифровщик должен был установить, имеются ли в данной артели рабочие или служащие, а если это не подтверждалось, то записывать респондента как кооперированного кустаря. Однако последовательно провести этот принцип не удалось. Когда речь заходила о нетрудящихся, то здесь преимущество отдавалось самоопределению. Так, если лицо указывало в качестве источника средств существования доход от продажи вещей и в то же время причисляло себя к одной из трудовых общественных групп, то и получало шифр этой общественной группы. Однако и здесь статистики позаботились о том, чтобы можно было восстановить действительную картину. Так, например, служители культа относили себя к группе под шифром 9, а по занятию имели шифр 960 [92]. Таким образом, по существу имела место двойная, параллельная шифровка в виде классификации еще и по занятиям. И хотя численность нетрудящихся неточна (ибо в основном определялась самими опрашиваемыми), ее можно восстановить довольно близко к истине по указанной шифровке в разработочных материалах. Частично это было проделано даже в официальной публикации 1940 г., где нетрудящиеся отделены от лиц, не указавших средства существования, однако сохранено неправомерное объединение нетрудящихся со служителями культа [93]. Учитывая все сказанное, исследователю социального состава населения и его характеристик лучше обращаться не к таблицам, составленным по общественным группам, а к таблицам, в которых представлено распределение населения по занятиям и источникам дохода, так как во всяком занятии (профессии) в итоговых таблицах выделен социальный состав занятых этой профессией. Но при этом следует

иметь в виду, что данные в таблицах о нетрудящемся населении самые неточные из всех данных об общественных группах, и без дифференциации этих данных с помощью шифровки на них опираться нельзя.

Уникальным явлением был Словарь религий, составленный для разработки данных переписи 1937 г. (М., 1937). Он включает в себя систематический указатель вероучений и антирелигиозных мировоззрений, а также алфавитный словарь этих вероучений. В систематическом указателе перечислены наиболее крупные группы вероучений, распространенных на территории СССР: православные, армяно-грегориане, католики, протестанты разных течений, сектанты, магометане, буддисты, иудеи, шаманисты. В словаре есть указания, среди каких народов распространены те или иные вероучения. Крупные группы расписаны по отдельным течениям вероучений: так, среди православных выделены автокефалисты Украины, автокефалисты Грузии, старообрядцы, иоанниты и пр. Среди шаманистов — бурханисты, хэри-мапа и т. д. Приведены все синонимы этих названий. В алфавитном словаре вероучений собрано 467 названий.

Для учета населения СССР по национальностям составлялись в 1926 г. «Перечень и словарь народностей» (М., 1927), в котором все племена и малочисленные этнические группы, входящие в состав крупных наций, учитывались как самостоятельные; в 1937 и 1939 гг.— словари основных национальностей. Для всех трех переписей были разработаны словари языков. Естественно, что перепись 1926 г. насчитала самое большое число этнических общностей — 194. В словаре 1937 г. насчитывалось 109 национальностей, а графа 110 («прочие») учитывала еще 56 названий, т. е. всего 165 этнических общностей [94]. К сожалению, мы не имеем возможности назвать число, получившееся в результате переписи, так как сведения в итоговых данных были по-иному сгруппированы, а часть их вообще не попала в результаты переписи. В 1939 г. составители аналогичного словаря [95] вынуждены были ориентироваться на цифру 60 национальностей, названную Сталиным. Поэтому, судя по неопубликованной таблице, хранящейся в архиве, решено было выделить 57 национальностей и в 58-ю графу включить «прочих» [96]. Однако, когда публиковали этот материал в 1940 г., нашли другой, более приемлемый вариант, чтобы не называть точной цифры. В таблице были перечислены 50 самых многочисленных национальностей СССР, насчитывавших свыше 20 тыс. человек. Таким образом, статистики не погрешили против истины.

Заканчивая обзор подготовительных материалов переписи 1939 г., можно ответить на вопрос: почему данные ее не увидели света, за малым исключением? Даже не имея всех материалов переписи, можно предположить, что ее результаты не могли удовлетворить правительство по очень многим показателям. В самом деле, на нескольких томах переписи сохранилась помета «секретно», а на многих таблицах помета «снять». Заглянем в них. Например, опубликованная средняя цифра уровня грамотности населения в стране — 81,2%, а в таблице с пометой «снять» этот показатель среди казахов — 51,1%, среди якутов — 30,2% и т. д. Среди лиц старше 50 лет грамотных было в среднем, по официальной публикации, 40,9%, а в неопубликованных таблицах среди таджиков этого возраста грамотных было всего 9%, среди туркмен и того меньше — 4,1%, среди казахов — 11% [97]. По неопубликованным таблицам видно, что на каждую 1000 лиц некоренной национальности в некоторых республиках приходится гораздо меньше учащихся, чем на то же количество лиц коренной национальности. Например, этот показатель у таджиков в Таджикистане равен 438, а у украинцев, проживающих в этой республике,— всего 178 [98]. Женщины сильно отставали по уровню грамотности от мужчин, особенно в селах [99]. На таких таблицах помета: «печатать без разделения по полу». Мы взяли лишь один пример, чтобы показать, что у правительства были основания для недовольства. Но этот же пример показывает, что неопубликованные материалы этой переписи скрывают в себе богатый, противоречивый и мало изученный материал.

* * *

Итак, мы рассмотрели программы, организацию и проведение трех всесоюзных переписей населения — 1926, 1937, 1939 гг., проследили их преемственность и различия как научно обоснованные, так и привнесенные конъюнктурой. Этот анализ убеждает нас в том, что все переписи являются ценнейшими историческими источниками, которые содержат обширный и разнообразный материал, а с другой стороны, это источники своего времени, определенной исторической эпохи. Что в них главное? В 20-е гг. советские ученые заложили подлинно научные основы советской статистики, в том числе важнейшие принципы переписного дела. Эти основы и принципы имели глубокие традиции в русской дореволюционной, в частности земской, статистике и оказались столь прочными, а желание советских статистиков отстоять их столь упорным, что ни сталинский режим, ни прямое его вмешательство не превратили ни одну из переписей 30-х гг. в иллюстративный «цифирник» к изречениям вождя. Безусловно, печать времени лежит на этих документах. Перепись 1937 г. больше пострадала в части переписного листа, а перепись 1939 г.— при сборе и подсчете данных о численности населения, в том числе городского, а также национального состава страны. Но по существу в той и другой были заложены научные критерии для объективной характеристики населения по весьма широкому спектру социальных и демографических показателей. Не всегда эти данные лежат на поверхности, как в переписи 1926 г. Очевидно, использование переписей 30-х гг. как исторического источника потребует соблюдения нескольких условий: учета ситуации, в которой составлялись их программы и проходили переписи; обращения к формулировкам вопросов в переписных листах, инструкциям и их заполнению и шифровке; сопоставления с другими статистическими источниками, в том числе материалами текущей статистики 30-х гг. и т. д.

Проблема в настоящее время состоит в том, чтобы сохранившиеся материалы переписей 1930-х гг. были в ближайшее время изданы. Правда, совместными усилиями Госкомстата и Научного совета АН СССР по исторической демографии и исторической географии и ЦГАНХ СССР предпринимаются такие попытки, но эту работу необходимо ускорить.

Примечания

[1] См.: Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 19. С. 396; История советской государственной статистики. М., 1969. С. 9, 372.

[2] См.: Советская статистика за полвека (1917—1967 гг.). М., 1972. С. 28; Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 328.

[3] См.: Тольц М. С. Сколько же нас тогда было? // Огонек. 1987. № 51. С. 10—11.

[4] Правда. 1937. 26 сентября.

[5] См.: «Круглый стол» советских и американских историков // Вопросы истории. 1989, № 4. С. 107.

[6] См.: Письмо директора ЦГАНХ СССР В. В. Цаплина. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 176.

[7] ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 58. Л. 4; Правда. 1939. 2 июня.

[8] Там же.

[9] ЦГАНХ СССР. ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 249—252.

[10] ЦГА РСФСР. Ф. 374. Оп. 24. Д. 60. Л. 18.

[11] Там же. Л. 4.

[12] ТАм же. Л. 3.

[13] Правда. 1940. 29 апреля.

[14] См., напр.: Культурное строительство СССР. Стат. сб. М.; Л., 1940. С. 6—8.

[15] В 70—80-е гг. некоторые данные переписи 1939 г. появились в исследованиях по отдельным регионам, в частности, по Сибири и Украине. См.: Гущин Н. Я., Кошелева Э. В., Чарушин В. Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы. 1935—1941. Новосибирск, 1975; Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926—1939 гг.). Новосибирск, 1984; Перковський А. Л., Пирожков С. И. Демографічні втрати Української РСР у 30-ті роки // Український історичний журнал. 1989. № 8. С. 24—35.

[16] См.: Тольц М. С. Указ. соч. С. 10—11.

[17] См.: «Круглый стол» советских и американских историков. С. 107.

[18] См.: Актуальные проблемы исторической демографии // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 175.

[19] См.: Правда. 1935. 28 сентября.
[20] См.: Перковський А. Л., Пирожков С. И. Указ. соч. С. 26—27.
[21] ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 5—6.
[22] См.: Протоколы IV Всесоюзного съезда статистиков // ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 2. Л. 1—12.
[23] Михайловский В. Г. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1926.
[24] См.: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 4.
[25] Там же. Л. 143.
[26] См.: Цаплин В. В. Указ. соч. С. 176.
[27] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 34. М., 1930. С. 8—9.
[28] ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 4. Л. 108.
[29] Данилов В. П. Сельское население РСФСР накануне коллективизации / по данным Общенародной переписи населения 17 декабря 1926 г. // Исторические записки. М., 1964. Т. 74; его же. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977 и др.
[30] См.: Сталин И. В. Отчетный доклад о работе ЦК ВКП(б) // XVII съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1934. С. 25.
[31] Сталин И. В. Речь на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок с членами ЦК ВКП(б) и правительства. 5 декабря 1935 г. М., 1947. С. 7.
[32] Там же. С. 5.
[33] Сталин И. В. Доклад на VIII Всесоюзном чрезвычайном съезде Советов. М., 1936. С. 13.
[34] ЦГАНХ СССР. Ф. 208. Оп. 1. Д. 49. Рукопись не датирована. Однако в ней упоминается предстоящая перепись 1936 г.; о переписи 1926 г. говорится как о последней переписи; наконец, состав авторов пособия тот же, что и в «Словаре занятий для разработки Всесоюзной переписи 1937 г.» (М., 1936), разработанном Е. Н. Морыгановой и С. Л. Иозефович. На основе этого пособия под ред. Н. Я. Воробьева была в 1938 г. издана книга «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», которая была переиздана в 1958 г. Состав авторов был уже другим: Н. Я. Брянский и Н. А. Нейперт.
[35] Сборник законов СССР. 1935. № 25. Ст. 237.
[36] См.: Цаплин В. В. Указ. соч. С. 176.
[37] Правда. 1938. 27 июля.
[38] Саутин И. Всесоюзная перепись населения 1939 г. М., 1938. С. 19.
[39] См.: Цаплин В. В. Указ. соч. С. 177.
[40] См. там же. С. 176.
[41] Саутин И. Указ. соч. См. также: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Челябинск. 1938; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Омск. 1938 и др.
[42] ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 75. Л. 4 (декабрь 1937 г.).
[43] Там же. Л. 24.
[44] Там же. Л. 143.
[45] Там же. Д. 57. Л. 47.
[46] Там же. Д. 72. Л. 13.
[47] См.: Саутин И. Указ. соч. Приложения. С. 41.
[48] Правда. 1938. 27 июля.
[49] Там же.
[50] ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 68. Л. 9.
[51] Там же. Д. 69—86.
[52] Там же. Д. 60—61.
[53] Там же. Д. 60, 61, 65. Л. 2, 3, 4.
[54] Там же. Л. 34; Д. 67. Л. 2, 4, 6; Д. 60. Л. 1.
[55] Там же. Д. 59. Л. 9.
[56] Там же. Д. 66. Л. 17.
[57] Бюллетень Тамбовского УНХУ. 1938. № 1. С 4.
[58] Там же. С. 5.
[59] ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 58. Л. 44.
[60] См.: Цаплин В. В. Указ. соч. С. 180.
[61] См. там же. С. 179.
[62] Правда. 1939. 2 июня.
[63] ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 77. Л. 17.
[64] Там же. Д. 61. Л. 22, 23. (Исключение составлял вопрос о городской границе.)
[65] Там же.
[66] Там же. Л. 28.
[67] Там же. Д. 60. Л. 61.
[68] Там же. Д. 86. Л. 18.
[69] В 1926 г. на каждого человека заполнялся личный листок, в переписях 30-х гг. был применен переписной лист на 8 человек. Это было связано с тем, что перепись 1926 г. разрабатывалась вручную, а переписи 30-х гг.— машинным способом. В 20-х гг. об этом не могло быть и речи, так как оборудование счетных фабрик потребовало бы значительных средств в инвалюте, которыми ЦСУ в то время не располагало. В 1926 г. кроме личного листка в городах заполнялись семейная карта и «владенная» ведомость, которые позволили собрать обширный материал о семье и состоянии жилого фонда.
[70] ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 106. Л. 1—2.
[71] ЦГА РСФСР. Ф. 374. Оп. 24. Д. 58. Л. 132.
[72] См.: Воробьев Н. Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1957. С. 27.

[73] ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Ч. 1. Д. 3. Л. 6.
[74] Там же. Ф. 208. Оп. 1. Д. 49. Л. 38—39; Д. 106. Л. 2—3; Всесоюзная перепись населения 1937 г. Материалы для докладчиков. М., 1937. С. 25.
[75] Всесоюзная перепись населения 1937 г. Материалы для докладчиков. С. 238.
[76] ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 2. Л. 1.
[77] Там же. Ф. 208. Оп. 1. Д. 49. Л. 36.
[78] Воробьев Н. Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 30.
[79] ЦГАНХ СССР. Ф. 208. Оп. 1. Д. 49. Л. 27, 29.
[80] Сталин И. В. Доклад на VIII Всесоюзном чрезвычайном съезде Советов. С. 10.
[81] Молотов В. М. Отчетный доклад на VII съезде Советов // VII съезд Советов Союза ССР. Стеногр. отчет (28 января — 6 февраля 1935 г.). М., 1935. С. 40.
[82] Правда. 1936. 7 октября.
[83] ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 61. Л. 16; д. 72. Л. 14.
[84] Там же. Оп. 329. Д. 143. Л. 53—54.
[85] Там же. Оп. 336. Ч. 1. Д. 35. Л. 377; Программы и пособия к разработке Всесоюзной переписи населения 1926 г. Вып. 2. Словарь занятий. М., 1927.
[86] Словарь занятий для разработки Всесоюзной переписи населения 1937 г. М., 1936.
[87] См.: Саутин И. Указ. соч. С. 21.
[88] Систематический словарь занятий. Проект на правах рукописи. Л., 1989.
[89] Алфавитный словарь занятий. Пособие для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г. М., 1939; ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 203. Л. 2.
[90] Систематический словарь занятий. Пособие для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г. М., 1939. С. 13—15; ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 204. Л. 77, 88 об., 9—12, 13—18, 22—24, 35—43, 30—34 (рассылка по учреждениям).
[91] ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 203. Л. 2 об.—5 об.
[92] Там же; ЦГА РСФСР. Ф. 374. Д. 1628. Л. 103 об.—104.
[93] См.: Правда. 1940. 29 апреля.
[94] Брук С. И. Население мира. М., 1986. С. 145; Словарь национальностей для разработки Всесоюзной переписи населения 1937 г. М., 1937. С. 3—11.
[95] Словарь национальностей. Пособие для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г. М., 1939.
[96] ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 249. Л. 3.
[97] Там же. Д. 250. Л. 144.
[98] Там же. Л. 181.
[99] Там же. Л. 171.

© 1990 г.

Г. А. ГЕРАСИМЕНКО

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ 1917 ГОДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В условиях перестройки все подвергается сомнению, переосмыслению, переоценке. Это касается отечественной истории в целом и истории Октября в особенности. За последние несколько лет по истории революции 1917 г. проведено немало конференций, симпозиумов, семинаров, «круглых столов»; за это время появились различные публикации, в которых высказываются новые подходы и идеи. И тем не менее представления о многих узловых вопросах истории Октября меняются мало. Речь идет о периодизации событий 1917 г., о двоевластии, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о сущности мелкобуржуазной волны, поднявшейся после свержения самодержавия, о многих организациях и учреждениях, действовавших в то время.

Не составили исключения и общественные исполнительные комитеты. Возникнув сразу же после свержения самодержавия, они быстро распространились по стране, действуя на губернском, уездном, волостном и сельском уровнях. По своей массовости и универсальности с ними тогда не мог сравниться ни

Герасименко Григорий Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой АОН при ЦК КПСС.